Н.И. Герасимов

ИЗ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА И ЛЬВА ШЕСТОВА: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ И АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Изучение философского наследия Николая Бердяева и Льва Шестова представляет собой детальную аналитику концептуальных построений мыслителей в целостном историко-философском процессе. Труды русских философов широко известны во всем мире. В своей монографии «Философия в России: от Герцена к Ленину и Бердяеву»[1] известный историк философской мысли Фредерик Чарльз Коплстон отмечает необыкновенную глубину философской интуиции мыслителей русской эмиграции на примере творчества Бердяева и Шестова.

На сегодняшний день по всему миру защищаются диссертации, посвященные философии Николая Бердяева и Льва Шестова. Их труды переведены на многие западноевропейские и восточные языки. Российское научное историко-философское сообщество в течение 1990-х гг. издало большинство основополагающих трудов русских мыслителей. На данный момент анализ их творчества происходит не только в фокусе исследования феномена русской интеллектуальной эмиграции, но и в свете общемирового историко-философского явления. Современной исторической науке известно, что философия русского зарубежья не представляла собой исключительно автономное идейное образование. Русские мыслители принимали активное участие в философских дискуссиях вместе с западноевропейскими коллегами. Бердяев был хорошо знаком с Максом Шеллером, Освальдом Шпенглером и Эммануэлем Мунье. Шестов переписывался с Эдмундом Гуссерлем, Мартином Хайдеггером и Клодом Леви-Строссом.

Современная ситуация в сфере исследования философского творчества Николая Бердяева и Льва Шестова указывает на необходимость разъяснения нюансов, деталей и специфических аспектов концепций мыслителей. Если магистральные линии идейных ориентиров философов уже представлены в современной историко-философской литературе, то периферийные концепты, идеи, находящиеся на стыке различных философских суждений мыслителей, в современной научной литературе только начинают изучаться[2]. Центральные мотивы философского творчества Бердяева и Шестова изучены как классиками историко-философской

[1] *Frederick C. Copleston, S.J.* Philosophy in Russia: from Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame, Indiana; Tunbridge Wells, UK, 1986.

[2] См.: *Пономарева М.О.* Л.И. Шестов как предтеча постмодернизма // Хора: журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2008. № 2. С. 91–98. URL: http://www.jkhora.narod.ru/2008-2-07.pdf (дата обращения 6 декабря 2013 г.).

мысли (В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский), так и современными исследователями (А.П. Козырев, В.А. Кувакин, Я. Кротов, Штефан Рейхальт и др.). При исследовании периферийных концепций невозможно основываться исключительно на документах в последней редакции, необходимо обращать внимание на исторический путь источников, хронологию их жизни, функционирования и интерпретации. Необходимым инструментарием в таком случае оказывается метод когнитивного историко-философского анализа, подразумевающий сложный комплекс аналитических процедур, совершаемых над целостным массивом архивных документов. Он включают в себя черновики итоговых философских сочинений, редакции их переводов, личные записи, отражающие первоначальный план мыслителя в процессе написания того или иного произведения, программные документы, свидетельствующие о специфике обстоятельств и историко-культурном контексте написанного сочинения.

Письменные источники философии Бердяева и Шестова рассредоточены по всему миру. Наибольшая их концентрация приходится на архивы и фонды Франции и Германии. На сегодняшний день нельзя точно сказать о наличии некого единого центрального архива творческого наследия мыслителей. В такой трудной для исследователей ситуации в фокус внимания включаются все возможные документы, имеющие отношение к раскрытию идейного содержания философии Николая Бердяева и Льва Шестова.

Дом русского зарубежья обладает архивными материалами, имеющими прямое отношение к исследованию философского творчества мыслителей. Часть из них — массив рукописных копий и черновиков статей Николая Бердяева, переданный в дар учреждению Н.А. Струве. Другая — совокупность заметок, писем, книг с пометками Льва Шестова, составляющая эмпирический материал диссертационной работы американского исследователя философии Шестова Кента Хилла[3], посещавшего СССР в конце 1980-х гг. Данные материалы пока находятся лишь на пути к систематизации и упорядочиванию[4]. Процесс анализа документов совершался в условиях отсутствия какой-либо описи или отчетливого списка предполагаемых материалов. В этой связи стоит отметить, что представленный обзор документов претендует лишь на предварительный анализ идейного содержания имеющихся письменных источников, который впоследствии может стать путеводным ориентиром в работе по составлению архивной описи.

В исследовательских работах часто сопоставляют религиозно-философский идеализм Бердяева и специфический экзистенциализм Шестова как идейно близкие концептуальные системы. В качестве идейно-парадигмального основания рассматривается не только персонализм мыслителей, но и их личное знакомство, и сотрудничество как философов, исследовавших схожие философские вопросы. Несмотря на то что тема русского экзистенциализма связана прежде всего с именами Николая Бердяева и Льва Шестова, не стоит видеть в их взглядах общее

[3] *Hill Kent R.* The Early Life and Thougth of Lev Shestov. Master of Arts Thesis. Washington, 1976.

[4] Фонд Н.А. Бердяева в Доме русского зарубежья (Ф. 060) детально не разработан: отсутствует опись документов. Документы по творчеству Л.И. Шестова находятся на стадии первоначальной систематизации.

органическое единство. Если Бердяев является продолжателем и интерпретатором философии Владимира Соловьева вслед за о. Сергием Булгаковым и Семеном Франком, то Лев Шестов в первую очередь воплощает в себе развитие русского ницшеанства, обогащенного идеями Серена Кьеркегора. Философско-антропологическая проблематика Бердяева основывается на соловьевской концепции богочеловечества, в то время как проблема человека в интерпретации Шестова предполагает абсолютную и полную беспочвенность, т. е. определяется через философскую категорию неизвестности. Если Бердяев развивал философию идеализма, то Шестов ее категорически критиковал.

Заостряя внимание на различиях между философскими концепциями мыслителей, стоит помещать в фокус историко-философского исследования имеющиеся персоналии, прежде всего как носители уникальных концептов. Картина внешней идейной близости двух философов уже создана во множестве диссертационных исследований последних лет[5]. Анализ письменных источников, таким образом, необходимо проводить обязательно в фокусе внутреннего разночтения философских концептов данных персоналий.

При рассмотрении документов Н.А. Бердяева использовалась библиография мыслителя, составленная Т.Ф. Клепининой, изданная в Париже в 1978 г.[6]

Рукопись Николая Бердяева «Кризис протестантизма и русское православие» с прилагающейся машинописной копией в 20 страниц интересна тем, что она была опубликована впервые на немецком языке в журнале «Orient und Occident» («Восток и Запад») в 1929 г. На русском языке она не публиковалась. Читателю представлен русскоязычный черновик статьи, что позволяет ознакомиться с идейным содержанием текста без столкновения с проблемами перевода.

В данной статье мыслитель рассуждает о судьбе отечественной православной веры, проявляя философский оптимизм в отношении распространения и концептуального развития православия. Бердяев констатирует кризис протестантизма, его трансформацию в отчужденную от религии формально-этическую систему. Он считает, что русское православие обладает живым религиозным духом, способным преодолевать безбожные социокультурные нормативы западноевропейского мира. В свойственной Бердяеву манере противопоставление России и Европы осуществляется не в политическом, а в религиозно-культурном аспекте. Подобная проблематика встречается также в таких работах мыслителя, как «Русская идея», «Самопознание», «А.С. Хомяков» и др.

Рукопись «Религиозная проблема человека (антроподицея)» не имеет машинописной копии. Упоминаний о ней нет ни в библиографии Т.Ф. Клепининой, ни в других библиографических источниках. При сопоставительном анализе текста рукописи и текста опубликованных монографий Николая Бердяева выяснилось, что данная статья не является ни составной частью отдельной книги, ни черновой записью какой-либо еще опубликованной работы мыслителя. Общий объем

---

[5] *Серегина Т.Н.* Проблема отчуждения в русском экзистенциализме (Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов). Дис. … канд. филос. наук. М., 2003; *Овсянников А.В.* Статус человеческого Я в религиозном экзистенциализме Н.А. Бердяева и Л.И. Шестова. Дис. … канд. филос. наук. Орел, 2008.

[6] *Клепинина Т.Ф.* Библиография сочинений Н. Бердяева. Париж, 1978.

источника насчитывает 31 рукописную страницу на русском языке. Предполагаемую дату написания этого сочинения точно установить не удалось. Папка, в которой оно хранится, датирована послереволюционным эмигрантским периодом в творчестве Бердяева. Эти факты дают основание предположить, что данная рукопись является уникальным письменным источником, расширяющим библиографию мыслителя.

В данной работе философ рассматривает человеческое бытие как подобие бытия божественного. Отношения между ними неиерархические. Бог со-переживает человеку, его страданиям. При этом Бог не может своей волей иллюминировать зло в мире в силу предоставленной человеку свободы. И Бог, и человек являются творцами. Парадоксальным образом их творчество равноценно, но не соизмеримо. Божественный акт творчества и акт творчества человеческий — уникальны, поэтому их невозможно сравнить. Как Бог нуждается в оправдании за наличие зла в мире, так и человек нуждается в оправдании за наличие греха в жизни. Если проблему теодицеи мыслитель решает через анализ мистического понятия Ungrund («бездна»), введенного в философскую терминологию мистиком Я. Бёме, то проблему антроподицеи Бердяев решает через осмысление понятия человеческого творчества как акта непосредственного духовного откровения. Оправдание Бога — это оправдание бытия, оправдание человека — это оправдание самой жизни. Творчество, таким образом, является ключом к пониманию вопроса антроподицеи. Подобная проблематика решается Бердяевым в его знаменитой монографии «Смысл творчества»[7], а также в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики»[8].

Рукопись «Христианское и марксистское понимание истории» представляет собой русскоязычный оригинал-черновик статьи Николая Бердяева, опубликованной в 1935 г. на немецком и французском языках. На русском языке данная работа не публиковалась. Читатель может ознакомиться с исходным русскоязычным вариантом текста, т. е. непосредственно с первоисточником.

В своей статье Николай Бердяев сравнивает историческое христианское понимание жизни с тем, как данный вопрос трактует марксистская философия. В тексте работы наблюдается эволюция Бердяева от легального марксизма к новому религиозному сознанию. Философ утверждает, что марксизм, являясь материалистическим учением, в то же время воспринимается массами как учение религиозное. Современное христианство, будучи формально религиозным, напротив, отторгает от себя религиозную составляющую. Материалистическое и идеалистическое в понимании исторического процесса тесно сплетены друг с другом. Подлинное христианство предполагает личностное участие человека в формировании истории, марксизм же отвергает его, рассматривая человеческое бытие лишь как совокупность социально-экономических отношений. Бердяев как представитель «нового религиозного сознания» предлагает особый путь в трансформации христианского вероучения с учетом того, как марксистская философия от-

[7] *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

[8] *Он же.* О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931.

ражается в сознании социума. По его мнению, личность как творческий субъект должна освободиться от строгой церковной догматики и тем самым найти путь к пониманию истории не с позиции пассивного гегельянского наблюдателя, а с позиции активно действующего творца. Подобные вопросы Бердяев поднимает в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма»[9].

Рукопись «Соблазн истории» представляет собой уникальный и ценный документ. Рукописная статья не упоминается в библиографических источниках, текст статьи не является частью других работ философа. Русскоязычный письменный источник не имеет машинописной копии. Общий объем документа составляет около семи страниц. Как и «Религиозная проблема человека (антроподицея)», данная статья расширяет библиографию Николая Бердяева.

В своей статье философ рассуждает о сложившемся к началу XX столетия в культуре понимании истории как логически обоснованной темпоральной динамике, восходящей к философии Гегеля. С точки зрения Бердяева, господство такого понимания исторического процесса подтверждает успех марксистской философии в его практическом смысле. Общество понимает себя как субъект истории и осознает себя как часть истории. В отличие от деперсоналистического исторического подхода Гегеля, Маркс требовал активного участия человека в формировании исторического бытия. Тем не менее Бердяев замечает, что в действительной практике активность субъекта подменяется неизбежностью исторических свершений. Революция парадоксальным образом концептуально противопоставляется свободному творчеству. Личность теряется во внешних социально-политических и социально-экономических событиях, не находит себя как источник творческой деятельности. Соблазн истории проявляется в детерминации человеческой жизни деперсоналистическими силами, внешними по отношению к конкретной личности. Человеку предоставляется иллюзия участия в революционных свершениях, а не само участие. История в таком понимании особым образом оправдывает личностный упадок человечества во имя стихийного массового слепого движения в сторону предполагаемого улучшения. История как прогресс в бердяевском смысле обречена на провал. Но именно такой взгляд на историю, продолжает он, наиболее привлекателен для человечества в начале XX в.

Машинописная копия рукописи «Формы безбожия в современном мире» на русском языке представляет собой противоречивый, но интересный для историко-философской науки документ. В левом верхнем углу первой страницы дается комментарий, что данная работа представляет собой план-текст доклада, прочитанного на французском языке. По-видимому, неизвестный исследователь имел дело с оригиналом текста доклада Бердяева и пришел к выводу, что данный документ есть прямое свидетельство публичного выступления философа. Историко-философский анализ показал, что данный текст представляет собой составную часть монографии Бердяева «Истина и откровение»[10]. Имеющийся письменный источник и первый параграф шестой главы книги текстологически несильно раз-

[9] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955.

[10] *Он же.* Истина и откровение. СПб., 1996. С. 90–110.

личаются. Скорее всего, Бердяев действительно читал доклад, который потом стал составной частью цельного сочинения. Современному исследователю имеющийся документ позволяет проследить эволюцию мысли философа, наглядно рассмотреть то, как общие размышления Бердяева об атеизме и богоборчестве, представленные в докладе, нашли свое продолжение в философском экзистенциальном анализе иррационального безбожия, представленном в целой главе книги «Истина и откровение».

В тексте своего доклада Бердяев говорит о принципиальном различии между безбожием эпохи Просвещения и безбожием начала XX столетия. Дискурс Просвещения предполагал атеизм как следствие веры в человеческий разум, в прогресс и успех социальных и научных свершений. Характерный для этой формы безбожия позитивизм выражал скорое ожидание действительных социальных и культурных преобразований. Бердяев отмечает, что такое безбожие основывалось все же на особой вере. Безбожие XX в. противостоит рационально-просветительскому дискурсу. В нем нет веры в прогресс, в науку, в культуру. Атеизм превращается в иррациональное отрицание божественного. Бессмысленность жизни, ее пустота есть основа нового безбожия, пишет Бердяев. Появившийся утонченный атеизм, по его мнению, имеет не только негативную, но и позитивную сторону. Безбожие тесно сопряжено с богоборчеством. Богоборчество как духовная практика может стать инструментом для формирования новой религиозности. В этом аспекте идеи Бердяева и Шестова находят свое тесное соприкосновение. Однако подобные умонастроения были свойственны не только представителям экзистенциальной философии, но и таким мыслителям, как Дмитрий Мережковский и Вячеслав Иванов. В данном тексте Бердяев, с одной стороны, подвергает ницшеанство концептуальной ревизии, с другой — проводит параллель со своей работой «Новое Средневековье»[11], когда пишет о «ночном» и «дневном» безбожии.

Рукопись «Кризис человека в современном мире» представляет собой русскоязычный текст статьи Бердяева, которая была опубликована только на английском языке[12]. Читатель может ознакомиться с оригиналом текста без столкновения с проблемой перевода.

В данной работе философ продолжает свои рассуждения о дегуманизированном обществе и кризисе персоналистической культуры. Николай Бердяев пишет о том, что эпоха начала XX столетия поставила под вопрос бытие человеческой жизни. С одной стороны, кризис человека вызван внешними обстоятельствами, включая войны и революции, с другой — внутренними, которые выражают логическое следствие крушения просветительского гуманизма. Человек в современном мире находится в состоянии духовного опустошения. Он чувствует бессмысленность своего личного существования. Крушение прежних духовных основ общества не привело к скорому формированию новых. В такой ситуации происходит испытание человеческой жизни свободой как свободой от идеалов. Проблема человека, таким образом, становится центральным вопросом современности.

---

[11] *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье. Берлин: Обелиск, 1924.

[12] *Berdyaev N.A.* The crisis of man in the modern world // International Affairs. 1948. Jan.

Отдельный интерес представляют собой такие документы, как план книги «Типы современной религиозной мысли в России» с исправлениями автора, а также черновик сочинения «Новое Средневековье». Монография «Типы современной религиозной мысли в России» была задумана и написана Бердяевым еще в дореволюционной России, однако опубликование ее произошло только в 1989 г. в «YMCA-Press» в Европе. Имеющийся документ дает представление о процессе работы философа над структурой книги. Пометки и исправления в документе отражают проблемные сегменты в творческой мысли философа, его сомнения и неуверенность. Исследователь может ознакомиться с такими фактами, как попытка Бердяева целенаправленно написать о Победоносцеве как особом религиозном типе начала XX столетия, а также замысел посвятить одну из глав своего сочинения нигилизму как религиозному мировосприятию (впоследствии эти замыслы реализовались в целостной главе). Черновик работы «Новое Средневековье» представляет собой важный историко-философский памятник интеллектуальной культуры русской эмиграции. После своего опубликования в 1923 г. данное сочинение вызвало большой резонанс среди представителей философского сообщества XX в. В особой поэтико-философской стилистике Бердяев предсказал надвигающиеся катастрофы человечества: Вторую мировую войну, тоталитарные режимы и гражданские войны. Для современного исследователя и публикатора знакомство с русскоязычным первоисточником такого значимого сочинения представляет большую ценность.

Среди материалов, находящихся в собственности Дома русского зарубежья, есть также рукописные черновики таких сочинений Николая Бердяева, как «Одна церковь и две России», «Христианское учение о человеческой ассоциации», а также «Философское миросозерцание Бердяева (автоизложение)».

Немногие важные документы, имеющие отношение к философии Льва Шестова, представлены отчасти иллюстративными материалами, анализ которых все же дает возможность извлечь из них необходимую для историко-философского исследования информацию.

Афиша, посвященная собранию Общества духовной культуры в честь десятой годовщины со дня смерти Льва Шестова, оснащена особым комментарием Николая Бердяева. В нем говорится о выступлении Бориса Шлёцера, одного из ближайших философов — друзей мыслителя. В частности, отмечается, что Шлёцер в своем докладе попытался актуализовать философское наследие Льва Шестова в русле современной экзистенциальной мысли. Кроме этого, он заметил странное совпадении его идей с теориями европейских сюрреалистов. В.В. Зеньковский в своем выступлении отметил философско-иррациональный аспект творчества Шестова, его борьбу с рационализмом, которая, по его мнению, продолжалась в течение всей творческой эволюции мыслителя.

Машинописные письма Бенджамина Фондана (Fondane; 1898–1944) на французском языке представляют собой сложную рефлексию мыслителя, которая осуществлялась параллельно написанию сочинения-интервью «Разговоры с Львом Шестовым»[13]. Имеющиеся документы дополняет наше представление о процес-

[13] *Фондан Б.* Разговоры с Львом Шестовым // Русский Нью-Йорк: Антология «Нового Журнала». Нью-Йорк, 2002. С. 397–420.

се работы над сочинением о русском философе. Кроме того, часть размышлений Фондана можно рассматривать как специфическую рецепцию экзистенциальной философии Шестова в эпоху формирования диалога между русской философской традицией и западноевропейской интеллектуальной культурой.

Машинописные копии конспектов лекций Шестова о неоплатонизме, по-видимому написанные Кентом Хиллом, дают представление о философской эрудиции мыслителя. Кроме того, анализ подобного источника позволяет проследить операции, совершенные Шестовым над материалом философии неоплатонизма, благодаря которым сформировался шестовский персоналистический иррационализм.

Переписка Шестова, Булгакова и Бердяева отражает историко-культурный контекст диалогичности философии русского зарубежья. Анализ этого источника проясняет непростые отношения Льва Шестова как автора «Апофеоза беспочвенности» (1905) со своими отечественными коллегами. В частности, текст переписки дает понять природу полемики между иррационализмом Шестова с бердяевским иррационализмом.

Лист-оповещение «YMCA-Press» скором выходе книги «Умозрение и откровение»[14], а также берлинское прижизненное издание сочинения Льва Шестова «Что такое русский большевизм»[15] имеют непосредственное практическое значение. Они могут составлять материал для возможной выставочной экспозиции по истории философской мысли русского зарубежья.

Николай Бердяев и Лев Шестов входили в элиту франкоязычного философского сообщества. Эмпирически это подтверждается и имеющимися материалами, такими как листы заседания Общества Бердяева во Франции и документы, связанные с различными публичными мероприятиями по философии Льва Шестова.

Документы, имеющие отношение к жизни и философии мыслителей, которые находятся в Доме русского зарубежья, нуждаются в систематизации и аналитике. Современная ситуация в историко-философской науке требует увеличения объема архивных материалов, способных прояснять не только магистральные, но и периферийные концепции философов. Это особенно необходимо в тот момент, когда исследователи приступают к изучению диалога между русским философским сообществом и западноевропейской мыслью. Николай Бердяев и Лев Шестов — персоналии наиболее известные среди прочих представителей отечественной гуманитарной интеллектуальной культуры русской эмиграции, поэтому они могут рассматриваться как ключ к прояснению диалогичности русской философской мысли в контексте общемировой философии.

---

[14] *Шестов Л.И.* Умозрение и откровение. Париж: YMCA-Press, 1965.

[15] *Он же.* Что такое русский большевизм. Берлин, 1920.